

Ход и итоги эвакуации населения БССР летом 1941 года: проблемные аспекты

Л. А. СУГАКО

В статье рассматривается важнейшая составляющая эвакуационного процесса в Беларуси в начале Великой Отечественной войны – исход на восток значительной части населения республики. Ход эвакуации граждан освещается сквозь призму соответствующих решений и действий партийно-государственных органов БССР. Утверждается, что под воздействием трагически складывавшейся военной обстановки власти республики перешли от политики сдерживания самостоятельного исхода людей в тыл к его поощрению. Делается вывод о постепенном усилении организованного начала в проведении эвакуации жителей Беларуси. В дискуссионном ключе анализируется один из основных аспектов данной проблемы – количественные итоги процесса эвакуации белорусского населения летом 1941 г.

Ключевые слова: эвакуация, население, военная обстановка, Великая Отечественная война, оккупация.

The process of evacuation of the population in Belarusian Soviet Socialist Republic at the beginning of the Great Patriotic War is being discussed in the article. The author affirmed that the decisions and actions of the Party and the State organs of the BSSR determined the special details of evacuation. The process of evacuation of people became more organized and more gradually scaled. Quantity results of evacuation of the population are being researched as point at issue of this problem. On the basis of archival sources new figures and facts characterizing the evacuation process have been put into scientific circulation.

Keywords: evacuation, population, military conditions, the Great Patriotic War, occupation.

Введение

По своему размаху и трагизму Великая Отечественная война занимает особое место в истории нашей страны. Степень её воздействия на народное сознание такова, что и сегодня, когда употребляются выражения «до войны», «во время войны», «после войны», априори подразумевается именно Великая Отечественная, хотя на протяжении многих десятилетий после её окончания уроженцы Беларуси принимали участие и в других войнах и военных конфликтах. Масштаб темы таков, что задача дальнейшего исследования событий и процессов, имевших место в военные годы на территории нашей страны, продолжает оставаться актуальной.

В постсоветский период внимание исследователей привлекают те проблемы истории Великой Отечественной войны в Беларуси, которые ранее в силу политических и идеологических причин не получили достаточного освещения в историографии. К таковым относятся некоторые аспекты функционирования гитлеровского оккупационного режима, коллаборация, взаимоотношения партизан и местного населения, роль православной и католической церкви в жизни народа в военные годы, трагедия еврейского населения, участие уроженцев Беларуси в движении Сопротивления в различных европейских странах, деятельность польской Армии Крайовой на территории республики, судьба советских и немецких военнопленных, вывоз населения на принудительные работы в Германию и оккупированные нацистами страны и т.д. [1, с. 117].

По нашему мнению, перспективным полем научного поиска являются и различные аспекты эвакуационного процесса, развивавшегося летом 1941 года в БССР, в частности, исход на восток значительной части населения республики. Отметим, что те или иные стороны такого явления, как эвакуация населения Беларуси, нашли определённое отражение в коллективных обобщающих трудах по истории войны, историко-документальных хрониках «Памяць» городов и районов страны, мемуарной литературе, рассматривались в работах А.Г. Андреевой, Г.Д. Кнатько, А.П. Купреевой, П.П. Липило, Г.И. Олехнович, Ю.Б. Туронка,

Н.В. Токарева и др. Вместе с тем, данная проблема продолжает сохранять значительный исследовательский потенциал.

В предлагаемой статье предметом анализа стал ход эвакуации населения Беларуси летом 1941 г. в контексте наиболее проблемных сторон рассматриваемого вопроса, каковыми, по нашему мнению, являются соотношение стихийного и организованного начал в процессе исхода на восток жителей республики и количественные характеристики его итогов. Основой для анализа обозначенных проблем послужили как уже известные сведения, так и новые данные, полученные автором в результате архивных изысканий и впервые вводимые в научный оборот.

Основная часть

Сегодня в распоряжении историков имеется достаточное количество фактов и аргументов, позволяющих утверждать, что Советский Союз вступил в Великую Отечественную войну, не имея планов эвакуации населения, материальных и иных ресурсов и ценностей. Справедливости ради следует отметить, что перед войной определённая работа в этом направлении велась, но была свёрнута по указанию И.В. Сталина, посчитавшего нецелесообразным разработку эвакуационной программы [2, с. 9–11; 3, с. 10–11]. Объяснение такому итогу следует, вероятно, искать в содержании советской военной доктрины того времени, ориентировавшей Красную Армию на наступательные операции и быстрый перенос боевых действий на территорию противника [4, с. 78]. Однако трагедия, постигшая советские войска в первые дни боевых действий, поставила задачу организации эвакуации из прифронтовых регионов СССР, в том числе и Беларуси, в разряд самых неотложных. Угроза захвата территории республики диктовала необходимость в кратчайшие сроки обеспечить отправку на восток населения и важнейших материальных и иных ресурсов, чтобы в дальнейшем использовать их в интересах советских оборонных усилий.

Но 22 июня 1941 г. на заседании срочно собранного утром Бюро ЦК КП(б)Б «эвакуационные» вопросы в повестке дня отсутствовали, если не считать таковым директиву Брестскому и Белостокскому обкомам партии об отправке в Минск учётных документов районных парторганизаций. Более того, на совещании собравшихся в этот же день минских партийных работников речь шла о том, чтобы «коммунисты, партийный актив боролись с проявлением фактов бегства, эвакуации семей, так как это внесёт деморализацию и будет использовано паникёрами» [5, с. 9–10, 286]. Однако вечером 22 июня всё же последовало первое распоряжение, касавшееся эвакуации населения республики: ЦК КП(б)Б дал указание Наркомату просвещения вывезти «детские учреждения из мест, подвергнутых бомбардировке» [5, с. 32].

Между тем в первый же день войны начался стихийный исход на восток части населения западных областей БССР. Первую волну устремившихся в советский тыл составляли преимущественно семьи военнослужащих, партийные и советские функционеры и их семьи, работники железных дорог, учреждений связи и их семьи, дети из детских учреждений в сопровождении персонала [3, с. 17–18].

В ночь на 23 июня последовало новое распоряжение, касавшееся эвакуации людского потенциала Беларуси. Тюремное управление НКВД БССР отправило телефонограммы с приказом об отправке заключённых в тыл в тюрьмы Вилейской, Пинской и части Барановичской областей. С остальными тюрьмами западной части республики связаться уже не удалось [6, с. 49]. Утром того же дня, когда представление о крайне тяжёлом положении на фронте стало более ясным и в Минск стали прибывать первые беженцы с запада, руководство республики попыталось придать начавшемуся процессу эвакуации населения организованный характер. ЦК КП(б)Б обязал СНК БССР, Наркомпрос, ЦК ЛКСМБ и Минский горисполком в двухдневный срок вывезти детей из детских домов, садов, летних лагерей Минска и городов, подвергавшихся бомбардировке в полосе военных действий. Также было решено «в целях оказания помощи и эшелонирования семей начсостава и населения, следующего с территории, занятой противником», создать «транспортные пункты» в Минске, Орше, Бобруйске, Слуцке, Борисове, Заславле, Смолевичах, Пуховичах и Жлобине. На транспортные пункты возлагались организация питания, посадка в вагоны, медицинское обслуживание. Начальни-

ки железных дорог обязывались «представлять необходимое количество вагонов, в первую очередь, для членов семей начсостава» [5, с. 11–13].

Вместе с тем руководство республики, опасаясь, видимо, большого скопления беженцев в столице, предписало органам НКВД создать заслоны «для рассредоточения людских потоков, прекратив пропуск в г. Минск». Категорически запрещалось использование государственного и кооперативного автотранспорта «в целях личной эвакуации». Более того, от областных и районных властей требовалось «приостановить» дальнейшее движение на восток «неорганизованных» эвакуированных и «немедленно устроить их на работу в колхозах, совхозах и на предприятиях» [5, с. 13–15]. Подобные решения свидетельствуют, во-первых, о преимущественно стихийном характере начавшейся эвакуации населения, во-вторых, о неверной оценке высшим руководством БССР сложившейся на второй день войны обстановки на фронте, в-третьих, о стремлении этого руководства избежать распространения переносимых беженцами «панических» настроений в глубокий советский тыл.

24–25 июня 1941 г. резко ухудшилась обстановка на белорусском театре военных действий. Войска Западного фронта не смогли задержать противника в приграничной полосе и ликвидировать его глубокие прорывы, попав к тому же под угрозу окружения. Направление Вильнюс – Минск, по которому устремились главные силы 3-ей германской танковой группы, оказалось почти неприкрытым. В эти же дни вражеская авиация подвергла ожесточённым налётам столицу Беларуси. По указанию Военного совета Западного фронта в ночь с 24 на 25 июня ЦК КП(б)Б и СНК БССР переехали в Могилёв. Уже в Могилёве 25 июня была образована Центральная эвакуационная комиссия при СНК БССР во главе с председателем СНК И.С. Былинским [7, с. 21, 646; 5, с. 33].

Стремительное и неблагоприятное развитие военных событий крайне осложнило перевод процесса эвакуации населения в упорядоченное русло и сорвало многие соответствующие мероприятия. Предназначавшиеся для отправки населения в тыл транспортные (эвакуационные) пункты так и не были созданы. Большинство детских учреждений западной части республики эвакуировать не удалось. Благополучная отправка детей в тыл стала возможной там, где персонал детских учреждений не стал дожидаться директив сверху, а действовал соответственно обстановке. Так, уже 22 июня, ещё до получения санкции на эвакуацию, заведующая находившимся на загородной даче минским детсадом № 58 Е.Е. Харевская распорядилась собрать детей в дорогу. При активном участии воспитательниц Б.А. Померанец, Я.И. Рымдейко, Н.П. Карачун, Э.И. Розиной более 100 малышей на двух автомашинах доставили в Минск, где их быстро посадили в отправлявшийся на восток поезд. Своевременно была проведена эвакуация детей с пригородных дач минских детсадов №№ 7, 15, 26, 38, 65 и Ра- томского, Дзержинского, Самохваловичского и минского № 1 детдомов. Работники детских яслей-изолятора № 43 г. Минска под руководством главврача П.В. Дыло, несмотря на бомбёжки и массовые пожары, вывезли из города в безопасный тыл 60 больных малышей в возрасте от 1 до 4 лет [8, с. 453–454]. Эвакуация детей из охваченного огнём Минска – образец выполнения служебного и нравственного долга персоналом детских учреждений в экстремальных условиях войны.

Руководству только 8 тюрем западной и центральной части республики – из Молодечно, Вилейки, Пинска, Столина, Дрогичина, Столбцов, Глубокого, Червеня – удалось отправить своих заключённых (около 3 тысяч человек) на восток. Контингент остальных 18 тюрем (более 16 тысяч человек) не был эвакуирован. Часть заключённых была оставлена в тюрьмах при занятии городов немецкими войсками, часть разбежалась в пути во время налётов авиации противника, часть была расстреляна конвоем [6, с. 7, 51]. В ходе варварских бомбардировок германской авиацией Минска 24–26 июня, в условиях утраты властями контроля над положением в городе начался массовый исход на восток жителей белорусской столицы. Часть горожан отправилась в тыл на поездах, более десятка которых ещё сумело вырваться из Минска 24–25 июня. Часть воспользовалась автомобильным и гужевым транспортом. Большинство же уходило пешком по шоссейным и просёлочным дорогам, подвергаясь в пути частым налётам гитлеровской авиации [5, с. 66, 112, 296; 7, с. 345]. В конце июня – начале июля в города восточной части Беларуси «ежедневно прибывали беженцы, разутые

и раздетые, с голодными детишками» [9, л. 10]. Эвакуация населения по-прежнему носила в основном стихийный характер.

К началу июля 1941 г. западные и центральные регионы БССР были захвачены германскими войсками. Их танковые и механизированные соединения устремились к Днепру и Западной Двине. Угроза оккупации нависла над восточными областями Беларуси – Витебской, Могилёвской, Гомельской, Полесской. Ещё 25 июня 1941 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К.Пономаренко, выступая в Могилёве перед местным партийно-хозяйственным активом, потребовал «иметь в виду и быть готовыми к возможной эвакуации промышленности и населения города» [10, с. 129]. Почти сразу же на востоке республики стали осуществляться отдельные подобные мероприятия. Например, 26 июня на Могилёвском авиамоторном заводе № 459 уже велись работы по демонтажу станков и оборудования, их упаковке и подвозу к погрузочной площадке на железной дороге [11, с. 84]. С 26 июня под руководством заместителя председателя СНК БССР В.Б. Гайсина велась разработка плана эвакуации населения восточных областей Беларуси [5, с. 67]. Однако относительно масштабное и планомерное перебазирование в тыл страны людских и материальных ресурсов восточной части БССР началось только после 30 июня, когда соответствующие предложения ЦК КП(б)Б были наконец санкционированы И.В. Сталиным [12, с. 35].

При организации эвакуации населения партийные и государственные органы восточных областей Беларуси столкнулись с рядом требовавших оперативного решения проблем. Следовало оказать срочную помощь беженцам из западных и центральных областей, наводнивших к началу июля восточные регионы республики [3, с. 17]. Прибывшим с запада партийным, советским и хозяйственным функционерам, особенно нуждавшимся в деньгах, одежде и обуви, оказывалась материальная поддержка по линии соответствующих структур. Так, в период с 27 июня по 2 июля 1941 г. только Гомельский обком КП(б)Б оказал денежную помощь 18 работникам партийно-государственного аппарата западных областей в сумме 1425 рублей (в размере от 50 до 200 рублей на человека) [13, л. 321–322, 325–330, 335–336, 366–373; 14, л. 2–3, 16–19, 45].

Кроме того, наплыв беженцев с запада, большая часть которых шла пешком, а также необходимость организовать отправку в тыл населения восточной части БССР заставили вернуться к вопросу о создании эвакуационных пунктов, в конце июня – начале июля уже действовавших в Витебске, Полоцке, Лепеле (Витебская область); Осиповичах, Могилёве, Костюковичах (Могилёвская область); Гомеле, Новобелице, Добруше, Лоеве, Светиловичах (Гомельская область); Наровле (Полесская область) [15, с. 20]. Эвакопункты развёртывались на основных железнодорожных, шоссе и речных коммуникациях, в их задачи входило «оказание помощи эвакуированному населению в средствах передвижения, выдача денежной помощи, обеспечение продуктами питания, одеждой, дача совета о выборе маршрутов эвакуированным, оказание помощи по розыску потерявшихся членов семей и родственников» [5, с. 69]. Помимо упомянутых, эвакопункты выполняли ещё одну, довольно специфическую, функцию. Поскольку существовало опасение, что противник попытается использовать потоки беженцев для внедрения в советский тыл своей агентуры, считалось необходимым организовать фильтрацию прибывавших с запада. В эвакопункты для проверки и удостоверения личностей и сбора развединформации путём опроса эвакуируемых направлялись сотрудники органов внутренних дел и госбезопасности. По утверждению И.Н. Макарова, занимавшего в начале войны должность первого секретаря Могилёвского обкома партии, неоднократно имели место факты разоблачения вражеских лазутчиков и диверсантов, маскировавшихся под эвакуирующихся советских граждан [16, с. 11, 28–29]. Характерно, что председатель СНК БССР И.С. Былинский в докладной записке на имя заместителя председателя СНК СССР А.Н. Косыгина именует эвакопункты «контрольно-пропускными пунктами», отмечая, впрочем, что население «...исключительно хорошо» встретило их создание, так как беженцы получали «...отдых и медицинскую помощь», а в ряде случаев удалось «...установить связь потерявшимся семьям» [5, с. 238].

В конце июня – первой декаде июля 1941 г. немецкие войска захватили ряд городов, в которых размещались эвакопункты (Осиповичи, Витебск, Полоцк, Лепель). 11 июля, находясь уже в Рославле (Смоленская область), ЦК КП(б)Б обязал СНК БССР развернуть 14 но-

вых эвакуационных пунктов. 9 из них должны были дислоцироваться на территории Беларуси (Езерище, Сураж, Орша – Витебская область; Кричев, Климовичи – Могилёвская область; Чечерск, Тереховка – Гомельская область; Калинковичи, Брагин – Полесская область), 5 – на прилегающей территории РСФСР (Невель, Велиж, Рославль, Унеча, Новозыбков). Для помощи в организации эвакуационных пунктов правительство Беларуси командировало 19 своих работников. Правда, из справки СНК БССР «О деятельности правительства республики с 22 июня 1941 г. по 22 апреля 1942 г.» следует, что из 14 новых эвакуационных пунктов фактически действовали только 10 (к сожалению, не указано, какие именно). Всего, по официальным данным, через эвакуационные пункты в тыл страны было направлено около 230 тыс. жителей Беларуси, многим из которых была оказана помощь продуктами питания, деньгами, одеждой, обувью, на что было потрачено до 1,5 млн. рублей [5, с. 19–20, 69].

Как и на западе республики, в её восточных областях принимались меры по вывозу в безопасные районы детей и детских учреждений. Организованно была проведена эвакуация Гомельского и Могилёвского детдомов, пригородной дачи Могилёвского труболитейного завода, Гомельской детской больницы, Полоцкого дома ребёнка, детских садов Краснополья и т.д. [5, с. 224; 8, с. 455]. Однако экстремальные условия войны не позволили и на востоке Беларуси эвакуировать все детские учреждения. Воспитанники Полоцкого детдома, к примеру, были переправлены в советский тыл с партизанских аэродромов уже в 1942–1943 гг. [8, с. 455]. Согласно официальным данным, из БССР летом 1941 г. было эвакуировано 110 детских домов (около 10 тыс. детей), 50 детских садов (более 2 тыс. детей), 28 пионерских лагерей (1525 детей), 3 спецшколы (155 детей), 3 детских санатория (310 детей) [8, с. 456; 15, с. 20].

Кроме эвакуации собственно детских учреждений, прилагались усилия по отправке в тыл матерей с детьми. Для этого на некоторых железнодорожных станциях формировались специальные эшелоны. Из Могилёва до 10 июля 1941 г., пока сохранялась железнодорожное сообщение с советским тылом, поездами было вывезено несколько тысяч человек, в основном женщин и детей [12, с. 104]. Среди них и семьи сотрудников могилёвской милиции, которые, однако, организованным порядком были доставлены только до Рославля, видимо, считавшимся в начале июля безопасным местом [17, л. 421]. Из Гомеля только в период с 3 по 7 августа 1941 г. на восток были отправлены 4 эшелона с женщинами, детьми и лицами преклонного возраста (7932 человека). Для посадки в поезда эвакуируемым выдавались специальные талоны, нуждающиеся обеспечивались денежными средствами в сумме от 100 до 200 рублей. В составе каждого эшелона имелись вагон-ларёк с продуктами питания и вагон с медперсоналом. Вместе с тем посадка проводилась неорганизованно, некоторые вагоны оказались переполненными и матерям пришлось держать на руках детей во время сна [5, с. 250–251].

Важнейшее значение придавалось эвакуации квалифицированных кадров – рабочих, инженерно-технических работников, служащих, специалистов сельского хозяйства, медработников, преподавателей вузов, техникумов, школ, функционеров партийно-государственного аппарата. Немалая часть данной категории населения была перебросена в тыл вместе с оборудованием своих промышленных предприятий, имуществом колхозов, совхозов, МТС, учреждений здравоохранения, образования и культуры. Особенно широко подобный способ эвакуации практиковался в Гомеле. К примеру, только до 24 июля 1941 г. вместе с оборудованием и материалами завода «Гомсельмаш» к новому месту его дислокации (г. Курган) направились 2 тыс. человек; паровозовагоноремонтного завода (г. Уфа) – 1473 человека; станкостроительного завода им. С. Кирова (г. Свердловск) – 425 человек; завода «Двигатель революции» (г. Аткарск Саратовской области) – 700 человек; швейной фабрики «Коминтерн» (г. Барыш Куйбышевской области) – 475 человек и т.д. [18, л. 7–8]. Всего из Гомеля таким образом было отправлено на восток более 80 тыс. человек, с учётом членов семей работников [19, с. 24]. Подобный метод эвакуации, сочетавший перебазирование людей вместе с материальными ресурсами, являлся наиболее организованным и позволял предприятиям быстро развернуться в назначенном пункте и начать выпуск необходимой фронт и тылу продукции. К тому же работники на период передислокации обеспечивались не только зарплатами, но и подъёмными, пособиями и другими видами материальной поддержки, что помогало их семьям обустроиться на новом месте. По эвакуированным предприятиям и учреждениям Могилёвской области расходы по данным статьям составили 1 258 700 рублей, Гомельской области – 2 677 773 рубля [20, л. 35; 21, л. 1].

В материальной поддержке нуждались и люди, самостоятельно уходившие в советский тыл. Эвакопункты не могли в полном объёме обеспечить эту помощь, тем более что города, в которых они находились, один за другим захватывались противником. Поэтому 23 июля 1941 г. СНК БССР принял постановление, намечавшее дополнительные меры по оказанию материальной помощи населению, «неорганизованно» направлявшемуся на восток. СНК обязал облисполкомы и райисполкомы (к этому времени свободными от вражеских войск оставались большинство районов Полесской и Гомельской областей и юго-восток Могилёвской) выделить из местных бюджетов средства для субсидирования людей, вынужденных оставлять свои дома. На эти же цели из республиканского бюджета выделялось 3 млн. рублей [15, с. 20]. Таким образом, под влиянием тяжёлой военной обстановки власти отказались от политики сдерживания «стихийной» эвакуации, проводившейся в первые дни войны и стали содействовать населению в его стремлении покинуть районы, которым угрожала оккупация. Об этом же свидетельствует стремление, кроме горожан, «привлечь сельское население к эвакуации», о чём шла речь на заседании Бюро ЦК КП(б)Б 18 июля 1941 г. [5, с. 28]. Следует, однако, указать, что многие беженцы продолжали двигаться на восток пешком и так и не смогли добраться до советского тыла, так как пути их отхода были блокированы наступающими немецкими войсками. Несколько таких случаев произошло с беженцами из Могилёвской области, которые были перехвачены немцами уже на территории Смоленской и Брянской областей. Люди были вынуждены возвращаться в родные места либо оседать на новых. Имелись случаи, когда немцы направляли беженцев в лагеря для военнопленных [17, л. 323; 22, л. 167, 374].

В восточной части республики заключённые всех 6 имевшихся здесь тюрем были успешно эвакуированы (более 6 тыс. человек). Гораздо хуже обстояли дела с эвакуацией отбывавших наказание в исправительно-трудовых колониях, которая, согласно приказу № 001669 НКВД СССР от 07.12.1941 г., «проведена была крайне неорганизованно». Только в 2 из 18 ИТК восточных областей провели передислокацию «удовлетворительно». Администрация остальных растеряла при эвакуации «большую часть личного состава и заключённых, не вывезла и не уничтожила личные дела заключённых, документы, имущество и ценности» [6, с. 6, 12–13, 54–56].

В тяжелейших условиях войны руководившие эвакуацией органы не смогли помочь тем, кто не мог самостоятельно уехать – контингенту домов престарелых и инвалидов, пациентам психиатрических и тяжелобольным обычных клиник. Оставшись на оккупированной территории, многие из этих людей стали жертвами нацистского геноцида либо погибли без надлежащего ухода [20, л. 77–78; 23, с. 68].

Ключевым аспектом исследуемой проблемы является установление точного количества населения, эвакуировавшегося из Беларуси летом 1941 г. Однозначного ответа на данный вопрос в нашей историографии пока нет. В монографии «Трудящиеся Белоруссии – фронту» (1972) известный белорусский исследователь Г.И. Олехнович, ссылаясь на документы Центрального государственного архива народного хозяйства СССР, определяет количество эвакуированных из БССР формулировкой «...по неполным данным, более 1 млн. человек» [19, с. 25]. На страницах 4-го тома «Гісторыі Беларускай ССР» (1972–1975) число эвакуированных оценивается в 1,5 млн. человек [24, с. 137]. Эта же цифра фигурирует в 1-ом томе обобщающего коллективного исследования «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» (1983–1985), сопровождаемая, впрочем, пояснением «...не считая рабочих и служащих, выезжавших со своими предприятиями и учреждениями» [25, с. 59]. То есть число эвакуированных, логично предположить, должно быть ещё большим. Энциклопедия «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945» (1990) отмечает, что летом 1941 г. эвакуировалось в тыл страны «каля 1,5 млн. працоўных Беларусі» [7, с. 646]. Данное издание также не претендует на точность в определении общего количества покинувшего республику населения, так как в категорию «трудящихся», надо думать, не включались эвакуированные дети, лица преклонного возраста и нетрудоспособные граждане. 5-ый том 6-томной «Гісторыі Беларусі» (2000–2007) противоречит сам себе: на стр. 482 количество эвакуировавшихся жителей БССР оценивается в 1,5

млн. человек, на стр. 551 авторы ограничились осторожным указанием «...звыш 1 млн. чалавек» [26, с. 482, 551]. С помощью последней формулировки определяют количество эвакуированных граждан и авторы издания «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» (2005) [27, с. 398].

Таким образом, даже в имеющих официальный характер фундаментальных коллективных трудах оценка общего количества эвакуированного населения республики колеблется в диапазоне от 1 млн. до 1,5 млн. человек. Такой разброс не удивителен, так как установление точного числа покинувших летом 1941 г. родные места жителей Беларуси представляется весьма сложной задачей. Прежде всего потому, что, как уже отмечалось, исход населения на восток носил в значительной степени стихийный характер и потоки людей двигались в тыл, находясь вне контроля и учёта со стороны структур, отвечавших за эвакуацию. На заседании Бюро ЦК КП(б)Б 18 июля 1941 г. работа Центральной эвакуационной комиссии при СНК БССР была подвергнута острой критике как раз за «отсутствие точных данных об эвакуации» [5, с. 27–28]. Показательно, что в обобщающих ход и результаты эвакуации в Беларуси докладных записках председателя СНК БССР И.С. Былинского и первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, направленных в Москву соответственно 20 июля и 17 августа 1941 г., отсутствуют сведения о количестве эвакуированного населения [5, с. 235–238, 252–254]. Очевидно, что летом 1941 г. руководство БССР не имело ясного представления о масштабах исхода на восток жителей республики. Только в справке «О работе правительства республики с 22 июня 1941 г. по 22 апреля 1942 г.», подготовленной в мае 1942 г., сообщается, что партийно-государственными органами БССР была «оказана помощь в эвакуации ... до 1500,0 тыс. чел. населения» [5, с. 74]. Эта цифра и стала, как уже отмечалось, фигурировать в ряде изданий. Позволим себе усомниться в достоверности данной цифры. Вновь укажем, что летом 1941 г. в условиях преимущественно стихийного характера эвакуации граждан так и не был осуществлён количественный учёт всего покинувшего Беларусь населения. Осенью 1941 г. в некоторые тыловые регионы СССР были направлены уполномоченные ЦК КП(б)Б и СНК БССР с задачей организовать во взаимодействии с местными властями регистрацию, размещение и трудоустройство эвакуированных из республики [5, с. 80–82]. Работа по регистрации продвигалась медленно и принесла следующие результаты: на август 1942 г. учтено 108,7 тыс. эвакуированных из Беларуси граждан; на октябрь 1942 г. – 127 тыс.; на июль 1943 г. – 185,8 тыс. Довольно скромные итоги регистрации объясняются малочисленностью занимавшихся ею работников и неполным охватом тыловых регионов страны (учёт белорусского населения был проведён в 28 регионах РСФСР, Казахской, Узбекской и Туркменской ССР) [28, л. 6, 57; 29, л. 72]. Кроме того, часть эвакуированных уже могла быть призванной в армию. Но даже вкуче с этими обстоятельствами озвученная в мае 1942 г. цифра в 1,5 млн. эвакуированных из БССР представляется не просто завышенной, а вызывающей явное недоумение. Получается, что на просторах страны бесследно «растворилось» более миллиона «неучтённых» жителей одной из оккупированных советских республик. Характерно, что уже в августе 1942 г. в СНК республики серьёзно скорректировали майскую цифру, оценив количество эвакуированного населения в 700 тыс. человек, подстраховавшись, правда, оговоркой «...по неполным данным» [28, л. 5]. В октябре 1942 г. в проекте постановления ГКО СССР «О создании Белорусской армии», направленном П.К. Пономаренко И.В. Сталину (к слову, так и не принятом), численность покинувших БССР людей «ориентировочно» оценивалась в 780 тыс. человек [28, л. 57]. Возможно, в последней цифре учтено и население, ушедшее с территории Беларуси уже в условиях гитлеровской оккупации (например, через «Витебские ворота»).

Цифра в 700–800 тыс. эвакуированных из Беларуси представляется нам вполне реальной, хотя она и не лишена определённой умозрительности. Ведь если подсчитать население республики, охваченное учётом в процессе эвакуации, то, по известным нам документам и публикациям, его численность составит около 386 тыс. человек. В это число вошли: дети, организованно эвакуированные в составе детских учреждений (около 14 тыс. человек) [8, с. 456; 15, с. 20]; лица, в том числе из западных областей БССР, эвакуированные через Гомельскую областную эвакуационную комиссию в период с 24 июня по 18 июля 1941 г. (18,8 тыс. человек) [5, с. 254]; матери с детьми и лица преклонного возраста, вывезенные из Гомеля в

период с 3 по 7 августа 1941 г. (7932 человека) [5, 250–251]; работники и их семьи, эвакуированные из Гомеля вместе с предприятиями и учреждениями (около 80 тыс. человек) [19, с. 24]; работники и их семьи, отправленные в тыл из Витебска вместе с предприятиями и учреждениями (3417 человек, данные по 12 предприятиям из 23 эвакуированных) [30, л. 2–6]; работники и их семьи, отправленные в тыл из Могилёва вместе с предприятиями и учреждениями (более 1 тыс. человек, данные по 3 предприятиям из 12 перебазируемых) [30, л. 9–10]; участники перегона из Беларуси на восток общественного скота и тракторов, вышедшие в советский тыл (21668 человек) [5, с. 74]; эвакуированные заключённые белорусских тюрем (более 9 тыс. человек) [6, с. 6, 12–13]; жители республики, направленные в тыл через эвакуопункты БССР и западных областей РСФСР (230 тыс. человек) [5, с. 69]. Последняя цифра недостаточно надёжна, так как не исключено, что одни и те же люди по пути в тыл могли проследовать через несколько эвакуопунктов, а значит, и несколько раз могли быть учтены.

Таким образом, установление точного количества эвакуированного летом 1941 г. белорусского населения остаётся актуальной задачей. Для её решения весьма полезными могут оказаться материалы переписи граждан, прибывших в начале войны в тыл из угрожаемой зоны Советского Союза. По указанию ГКО СССР эта работа проводилась с 1 февраля 1942 г. Центральным справочным бюро при Совете по эвакуации во всех регионах советского тыла, причём, очевидно, не пересекаясь с близкой по содержанию деятельностью малочисленных уполномоченных ЦК КП(б)Б и СНК БССР. Материалы этой трудоёмкой переписи, составляющие, по словам известного советского и российского историка Г.А. Куманёва, несколько сотен объёмистых папок и долгие годы хранившиеся в секретном архивном фонде, позволяют точнее определить численность эвакуированных в первые месяцы войны (в том числе и из БССР), их возрастной и национальный состав, основные профессии, прежние и новые адреса и т.д. [2, с. 24]. Данные документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и представляют несомненный интерес для белорусских исследователей.

Заключение

Анализ хода и итогов эвакуации населения Беларуси в начале Великой Отечественной войны даёт возможность выявить её особенности и позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Процесс перемещения в советский тыл белорусского населения летом 1941 г. включает, на наш взгляд, 2 этапа. На первом (22 июня – начало июля) исход граждан на восток приобрёл в основном стихийный характер, что было обусловлено рядом факторов, среди которых следует отметить: неподготовленность республики и страны в целом к массовому перебазированию в случае войны населения и материальных ресурсов в глубинные районы СССР; необходимость для партийно-государственных органов БССР параллельно решать другие важнейшие задачи в условиях крайнего дефицита времени, перебоев связи и стремительно ухудшавшегося положения на фронте; неверная оценка руководством республики обстановки в первые дни войны, приведшая даже к попыткам сдержать самостоятельную эвакуацию граждан. Поэтому в западных и центральных регионах Беларуси характер организованных и целенаправленных действий приобрели лишь меры по спасению детей ряда детдомов, детсадов, пригородных дач, пионерских лагерей, санаториев и т.д., а также по отправке в тыл контингента некоторых учреждений пенитенциарной системы (при этом часть заключённых была расстреляна).

2. На втором этапе (июль – август 1941 г.), когда западные и центральные области БССР были уже оккупированы, а её восточные районы один за другим захватывались врагом, властями республики были предприняты значительные усилия с целью придать процессу эвакуации населения массовый, планомерный и упорядоченный характер. Прежде всего заслуживают внимания такие меры, как организация эвакуопунктов, отправка в тыл оборудования и имущества предприятий и учреждений вместе с работниками и их семьями, формирование специальных поездов для эвакуации матерей с детьми и лиц преклонного возраста. На этом этапе, в отличие от первых дней войны, власти БССР поощряли самостоятельную эвакуацию граждан и оказывали им материальную помощь. Вместе с тем в процессе пере-

мещения населения на восток сохранялись черты стихийности, многие люди по-прежнему шли пешком и часть из них так и не смогла добраться до советского тыла, так как была перехвачена наступавшим противником.

3. В результате эвакуации сотни тысяч жителей Беларуси (определение точного количества эвакуированных остаётся актуальной задачей) были спасены от ужасов нацистской оккупации. Оказавшись вдали от родных мест и несмотря на бытовые тяготы и лишения, наши земляки сыграли достойную роль в укреплении военно-экономического потенциала советского тыла, работая в заводских цехах и на колхозных полях, участвуя в строительстве военных и народнохозяйственных объектов и управляя железнодорожными составами. Эвакуация сохранила возможности для творчества белорусским учёным, писателям, художникам, музыкантам, артистам. Часть оказавшихся в тылу граждан из БССР впоследствииполнила ряды Советских Вооружённых Сил и приняла участие в боевых действиях [19, с. 119, 165–166; 31, с. 112–119].

С ноября 1943 г. начинается возвращение на родную землю эвакуированных из Беларуси работников промышленности, транспорта, сельского хозяйства, науки и культуры, принявших активное участие в возрождении республики после изгнания захватчиков [19, с. 7].

Литература

1 Сташкевич, Н.С. Беларусь в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии / Н.С. Сташкевич // Романовские чтения: сб. трудов Междунар. науч. конф., Могилёв, 21 окт. 2004 г. / Могилёвский гос. ун-т; редкол.: М.И. Вишневский [и др.]. – Могилёв, 2005. – С. 109–122.

2 Куманёв, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г.А. Куманёв // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.

3 Сугако, Л.А. Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны / Л.А. Сугако // Веснік Брэсцкага універсітэта. – 2008. – № 2. – С. 10–21.

4 Пономаренко, П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 / П.К. Пономаренко. – М.: Наука, 1986. – 438 с.

5 Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.): док. и материалы / Нац. архив Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2006. – 458 с.

6 Приказано приступить. Эвакуация заключённых из Беларуси в 1941 году: сб. документов / Нац. архив Респ. Беларусь; сост.: А.И. Кокурин [и др.]. – Минск: НАРБ, 2005. – 72 с.

7 Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 / Энцыклапедыя; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1990. – 680 с.

8 Андрэева, А.Г. Эвакуацыя дзяцей і дзіцячых устаноў у савецкі тыл / Г.А. Андрэева // Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917–1945): зб. артыкулаў: Бел. НДІ адукацыі / Народная асвета; рэдкал.: Г.Р. Сянькевіч [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 452–456.

9 Воспоминания первого секретаря Могилёвского обкома партии Макарова И.Н. // Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (ГАООМГО). – Фонд 6115. – Оп. 1. – Д. 159.

10 Сугако, Л.А. Об особенностях эвакуации в восточных областях БССР (июль – август 1941 г.) / Л.А. Сугако // Оборонительные бои на территории Беларуси: материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию обороны г. Могилёва от немецко-фашистских захватчиков, Могилёв, 29–30 июня 2006 г. / Могилёв. гос. ун-т; редкол.: Н.М. Пурышева [и др.]. – Могилёв, 2006. – С. 127–133.

11 Шапиро, В.Л. Завод, который умеет делать всё / В.Л. Шапиро. – Минск: ИнтерДайджест, 1997. – 384 с.

12 Чернышёв, П.С. Враг был обезврежен / П.С. Чернышёв // Солдатами были все: сб. мемуаров / Беларусь; редкол.: В.А. Греков [и др.]. – 2-ое изд. – Минск, 1972. – С. 103–108.

13 Денежные документы Гомельского обкома (июнь 1941 г.) // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 144. – Оп. 1а. – Д. 153.

- 14 Денежные документы Гомельского обкома (июль – август 1941 г.) // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 144. – Оп. 1а. – Д. 154.
- 15 Липило, П.П. КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / П.П. Липило. – Минск: Госиздат БССР, 1959. – 259 с.
- 16 Макаров, И.Н. Живая земля / И.Н. Макаров. – Минск: Беларусь, 1985. – 208 с.
- 17 Протоколы заседаний бюро Могилёвского обкома КП(б)Б (июль – декабрь 1945 г.) // Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (ГАООМГО). – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 76.
- 18 Справка Гомельского обкома КП(б)Б об эвакуированных предприятиях Гомельской области на 24 июля 1941 г. // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 144. – Оп. 24. – Д. 1.
- 19 Олехнович, Г.И. Трудящиеся Белоруссии – фронту / Г.И. Олехнович. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 208 с.
- 20 Материалы Могилёвской областной комиссии по учёту ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками (1945 г.) // Государственный архив Могилёвской области (ГАМГО). – Фонд 306. – Оп. 1. – Д. 7.
- 21 Обобщённые сведения об ущербе, причинённом оккупантами промышленным предприятиям и учреждениям Гомельской области, торговой сети, социальному обеспечению, земельным и советским органам, коммунальному хозяйству, дорожному хозяйству и т.д. // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд р-1345/с-42. – Оп. 2. – Д. 3.
- 22 Протоколы заседаний бюро Могилёвского обкома КП(б)Б (январь – июнь 1945 г.) // Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (ГАООМГО). – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 75.
- 23 Костеров, А.П. Проведение эвакуационных мероприятий на Могилёвщине летом 1941 г. / А.П. Костеров // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац Міжнар. навук. канф., Магілёў, 22–23 мая 2003 г. / Упр. культуры Магілёў. гарвыканкама; уклад.: І.А.Пушкін [і інш.]. – Ч. 2. – Магілёў, 2003. – С. 64–69.
- 24 Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал.: І.М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4: Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.) / І.С. Краўчанка [і інш.]. – 1975. – 640 с.
- 25 Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / редкол.: А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск, Беларусь, 1983–1985 – Т. 1: 1941–1942 / Л.В. Аржаева [и др.]. – 1983. – 591 с.
- 26 Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 616 с.
- 27 Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя [и др.]; под ред. А.А. Ковалени. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
- 28 Материалы по вопросу создания Белорусской армии // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 33. – Д. 225.
- 29 Материалы к справке Белорусского штаба партизанского движения по результатам боевых действий партизан за период с 22 июня 1941 г. по 22 июня 1943 г., о злодеяниях фашистских оккупантов // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 302.
- 30 Справка об эвакуации промышленных предприятий и товаров, сельскохозяйственных машин, скота и прочих материалов и ценностей из Белорусской ССР // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 102. – Оп. 3. – Д. 2.
- 31 Токарев, Н.В. Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929–1945) / Н.В. Токарев. – Минск: Наука и техника, 1988. – 181 с.